

D 03774-83

СНЕГУРОЧКА
Н. РИМСКОГО-
КОРСАКОВА

THE SNOW MAIDEN
BY N. RIMSKY-KORSAKOV

LA FILLE DE NEIGE
DE N. RIMSKY-KORSAKOV

LIBRETTO

V/O "Mezhdunarodnaya Kniga"
Moscow, 200, USSR

СНЕГУРОЧКА
ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Опера в 4-х действиях с прологом

Н. Римского-Корсакова

Опера «Снегурочка» написана Римским-Корсаковым на сюжет одноименной пьесы Островского. Начатая в феврале 1880 года, опера была закончена в 1882 году.

Сказка Островского глубоко увлекла композитора. «Я чувствовал себя все более и более влюбленным в сказку Островского, — писал Римский-Корсаков. — Не было для меня на свете лучшего сюжета, не было для меня лучших поэтических образов, чем Снегурочка, Лель или Весна... Сей час же после чтения начали приходить в голову мотивы, темы, ходы аккордов, и стали мерещиться сначала неуловимо, затем все яснее и яснее, настроение и краски, соответствующие различным моментам сюжета».

Все весенние месяцы 1880 года прошли у композитора в напряженной работе над оперой. Эту весну композитор проводил в деревне Стелево. «Здесь все мне нравилось, все восхищало, — вспоминал он позднее. — Красивое местоположение, прелестные рощи, огромный лес «Волчинец», поля ржи, гречихи, овса, льна, множество разбросанных деревьев — все приводило меня в восторг..., все как-то особенно гармонировало с моим тогдашним (пантеистическим) настроением и с влюбленностью в сюжет «Снегурочки». Какой-нибудь толстый и корявый сук или пень, поросший мхом, мне казался лешим или его жилищем; лес «Волчинец» — заповедным лесом; голая Копытецкая горка — Ярилиной горой; тройное эхо — как бы голосами леших или других чудовищ».

Образы Снегурочки, Весны, горячей, порывистой Купавы написаны композитором с особой теплотой.

Содержание оперы

ПРОЛОГ

Тишина и холод царят в дремучем заповедном лесу, в далекой стране берендеев.

Там, в глухом углу, вдали от дорог, растит старый Мороз свою дочку Снегурочку. Пустынно и тихо в лесу долгими северными зимами. Мороз накрепко сковал льдом все живое: деревья, окутанные снегом, стоят неподвижно, сурово опущены длинные ветви елей, грозно хмурятся угрюмые, могучие дубы.

Но зато раннюю весеннюю порой лес оглашается звонкими голосами птиц, возвращающихся в родные края. Далеко разносятся крики журавлей, стрекотанье сорок-болтуний, трели жаворонков. Скоро петухи пропоют зорю, и красавица Весна вступит в свои права.

Картину весеннего обновления раскрывает оркестровое вступление к опере — небольшой симфонический эпизод, проникнутый светлым, радостным настроением. Оркестр производит веселую переключку птиц, пение петуха; музыка как бы пронизана ярким светом весеннего солнца. Вступление непосредственно переходит в первую сцену Пролога — речитатив и арию Весны.

Из далеких полуденных стран возвратилась на землю берендеев красавица Весна.

Холодно встречают у берендеев Весну; неприятно ей у них. Озябли и ее пернатые друзья, смолкли их звонкие голоса. Чтобы согреть птиц, завела Весна на прогалине веселую пляску с песнями. И снова зазвучали по лесу веселые птичьи голоса; радостно вторит Весна своим маленьким товарищам (*Песня и пляска птиц*).

Услышал голоса старый Мороз и заспешил Весне на встречу. Суровыми упреками встретил Мороз красавицу Весну: напомнил ей все ее прошлые грехи, попрекнул и легкомыслием, и дружбой с Ярилой-Солнцем, злейшим врагом Мороза. Издавна Ярило не влюбил Мороза. Преследует он старика своей враждой, не дает покоя. Даже искусные постройки, воздвигнутые с величайшим трудом и терпением, враг «топит, плавит». А недавно Мороз узнал, что Ярило-Солнце вздумал сгубить Снегурочку. Он «..только и ждет того, чтобы заронить ей в сердце лучом своим огонь любви, тогда спасения нет Снегурочке...» Потому так заботливо и прячет Мороз свою дочку от Ярилы-Солнца; потому таким холодом сковал он страну берендеев.

Но привыкла к стуже девочка Снегурочка, ласковая дочь красавицы Весны. За свои 15 лет много ледяных дорожек обегала она в лесу, много дум передумала в своей тихой девичьей светелке, много игр и песен переиграла с друзьями — лесными птицами и зверями. Но как-то весной потянуло Снегурочку к людям. Захотелось ей послушать песни веселого пастуха Леля, и стала она просить мать Весну и отца Мороза отпустить ее в слободку берендеев, пожить с людьми. Схоронившись за ракитовым кусточком, за пенечком, за сосенкой, не раз подслушивала она песни смуглого Леля, не раз подглядывала веселые игры молодых берендеев.

Так хочется ей

«Круги водить,
За Лелем повторять с девицами
припев весенних песен».

Горячо просит Снегурочка родителей отпустить ее к людям. Доверчиво и ласково звучат ее бесхитростные речи;

просто и естественно разворачиваются мелодии ее двух арий, где она впервые предстает перед слушателем и где впервые звучат музыкальные темы, рисующие хрупкий облик дочери Мороза.

Особое значение приобретает музыка ариетты «Слышала я, слышала» — прозрачная, гибкая мелодия, сопровождаемая холодноватым звучанием деревянных инструментов; эта мелодия появляется, преображаясь, и позднее, в финале оперы, в сцене таяния Снегурочки. Пролог завершается сценой прощания Снегурочки с родителями и большой сценой «Проводы Масленицы». Мороз и Весна отпускают Снегурочку на лето к людям: она будет жить в заречной слободе у берендеев. Мороз отправляется в Сибирь, к холодным тундрам. Он и Весна нежно прощаются с дочерью. Снегурочка задумчива: и радостно ей променять лесную тишину на привольную жизнь в слободе, и страшно покинуть отцовский терем. Она уходит...

И сейчас же лес наполняется веселыми голосами: это берендеи справляют проводы Масленицы. Звучат напевы народных песен, плясок и хороводов; сцена «Проводы Масленицы» воспроизводит живую, красочную картину старинного народного обряда. Веселятся берендеи, провожая Масленицу. И никто из них не заметил бы схоронившейся за деревом маленькой Снегурочки, если бы не старый Бобыль. Кривляясь и кувыркаясь, заскочил он в густой кустарник и видит: стоит под высокой сосной девушка в белой шубке, белой мохнатой шапке и рукавичках, и улыбается лукаво. Подивились берендеи такому чуду: неизвестно, как и откуда взялась тут в лесу молодая боярышня. Не знает никто и имени ее. Еще больше изумились они, услышав ее слова: кто из них первый увидел Снегурочку, тому она и будет дочкой. Обрадовались Бобыль с Бобылихой и повели девушку к себе в заречную слободку. Простилась Снегурочка еще раз с отцом Морозом, с матерью Весной, с тихой беспечальной лесной жизнью, поклонилась она низко-низко своим верным друзьям — лесу, птицам — и пошла за берендеями.

Поклонился и лес ей низким поклоном — надолго расстались они со Снегурочкой.

1-е действие

Длинные косые лучи заходящего солнца освещают заречную слободку берендеев. Здесь, в убогой избе Бобыля, наша прियот Снегурочка. Ее нежная красота, скромный, приветливый нрав вскружили головы молодым берендеям.

Но холодно и замкнуто сердце Снегурочки — не знает она любви. И парни, погрузив, вернулись к своим невестам.

За деревьями мелькает островерхая шапка Леля — он приближается к избе Бобыля: сегодня его черед приютить на ночь бездомного пастуха. А за приют, за ласковый прием пастух заплатит песней.

Радостно встречает Снегурочка веселого Леля — давно ей полюбились его песни. С волнением прислушивается она к его пению, сначала печальному, потом веселому. Чем же наградить пастуха? Песни Леля Снегурочка ценит дороже всего на свете, и странно ей, что в награду за них пастух

довольствуется цветком или поцелуем. Заслышав недалеко девицы голоса, побежал туда Лель, забыл про Снегурочку: бросил в пыль цветок, который сам же у нее и выпросил. Грустно стало Снегурочке: не любит ее Лель, не умеет она приглубить, приласкать его. Отец Мороз лишил ее бесценного дара — сердечного тепла:

«Как больно здесь, как сердцу тяжело стало!

Тяжелую обидой, словно камнем,

На сердце пал цветок, измятый Лелем...».

Снегурочка остается одна. Ее печаль, одиночество, ее тоска по сильному, горячему, человеческому чувству выражены в широко известной ариетте, заканчивающийся просветленным аккордом:

«Но я возьму у матери Весны

Немножечко сердечного тепла,

Чтоб чуть лишь теплилось сердечко».

Появляется Купава. Ее появление сопровождается музыкальными темами, в оркестре звучит горячая, стремительная мелодия. У Купавы — радость: сегодня ее жених, богатый торговый гость Мизгирь, явился в слободку.

Начинается веселый свадебный обряд — такая же яркая картина народной жизни, как и «Проводы Масленицы» в Прологе. В музыку этой сцены также введены народные мелодии.

Отзвучали свадебные песни — Купава приглашает жениха в лес, водить хороводы. Но Мизгирь внезапно увидел Снегурочку — и забыл о своей невесте. А Снегурочку пугают его горячие речи, его сверкающие глаза, не понимает и боится она Мизгирия.

С громким плачем, с причитаниями подступила Купава к Мизгирию. Берендей окружили их тесным кольцом, на лицах — суровое осуждение: все законы и обычаи попрал Мизгирь своей изменой. Только старый и мудрый царь Берендей может заступиться за Купаву и покарать обидчика.

Туда, в царский терем, за теплой лаской, за мудрым словом и отправляется плачущая Купава.

2-е действие

Светло и просторно в хоромы царя Берендея. Далеко ввысь уходят резные башенки, за узорчатыми колоннами и в прорезях окон виднеется зеленое кружево молодых березок и кленов. Гуслиеры поют славу мудрому царю.

Царь Берендей похаживает по своим палатам, расписывает столбы и стены узорной росписью. Тревожат царя мысли о берендеевом царстве, о берендеях. 15 лет сердится Ярило-Солнце на берендеев, все меньше и меньше посылает им тепла, и сердца их холодеют. Как вернуть былое тепло людям — вот чем озабочен мудрый Берендей.

Появляется Купава. Бесхитростные прямые речи простодушной девушки взволновали Берендея. Ласково ободряет он Купаву. Их голоса, сплетаясь, образуют дуэт, где речитативные фразы взволнованной Купавы сменяются широкой и выразительной мелодией.

Глубоко растрогала царя жалоба Купавы. Решил он судить Мизгирия строгим судом, для чего созвали народ в царские палаты, на праведный берендеев суд.

Народ заполнил просторные хоромы. Пришел Мизгирь. Молча выслушал он гневные речи Берендея и суровый приговор царя — отправиться в вечное изгнание, покинуть навсегда Берендеево царство и берендеев. Лишь одно сказал он в ответ: пусть Берендей хоть раз взглянет на Снегурочку, на ее редкостную красоту. Тогда поймет он Мизгирия. И в ту же минуту в палаты робким шагом входит Снегурочка.

Залюбовалась она узорной росписью стен красивым шитьем на кафтане у царя. Залюбовался и Берендей ее красотой. Как нежный весенний цветок, чистый и свежий, стоит перед ним Снегурочка. Глядя на нее, вспоминал царь о весеннем цветке — ландыше, чей аромат приносит с собой неуловимое дыхание весны:

«Полна, полна чудес могучая природа»

(Каватина Берендея).

Поговорил Берендей со Снегурочкой, послушал ее речи — доверчивые, простые — и еще больше залюбовался ею. Кому из берендеев вручит она свое сердце, младенчески нежное и чистое, кого полюбит Снегурочка? Тот, кто сумеет зажечь детскую душу Снегурочки любовью, получит ее в жены из рук царя, с богатыми дарами и милостями.

«Великий царь, — обращается к Берендею Мизгирь, — отсрочь мое изгнание». Перед царем, перед всеми берендеями Мизгирь клянется, что сумеет добиться любви Снегурочки.

Завтра, на утренней заре, счастливые женихи вручат венки своим невестам, и поведут их навстречу Яриле-Солнцу, навстречу жаркому лету, любви и счастью. Великой клятвой поклялся Мизгирь царю — обручиться завтра на празднике Ярилы со Снегурочкой, заронить ей в душу тепло великих человеческих чувств.

3-е действие

На вечерней заре в заповедном лесу собрались парни и девушки. Среди других веселится Снегурочка. Так хочется ей, чтобы Лель выбрал ее своей подружкой. Ради праздника она принарядилась, надела расшитые полусапожки, сплела венок из ярких полевых цветов. Веселятся берендей. Девушки заводят веселую песню: «Ай во поле липонька...».

Пляшет, кривляется старый Бобыль, всем на потеху (*Песня про Бобра*). Пляшут и скоморохи. (*Пляска скоморохов*).

Но вот кудрявый Лель заводит песню про девицу, что схоронилась за кусточком тихо:

«Все-то девицы расплакались:

Нашу девицу не волк ли заел?»

Понравилась всем веселая песня пастуха. Развеселился и царь Берендей. Похвалил он пастуха за пение, попросил его выбрать себе среди девушек подружку и обменяться с нею поцелуем. Задумался Лель — жаль ему обидеть Снегурочку; но где сыщешь сердце вернее Купавино? Ее, обиженную, и выбирает Лель своей подружкой, ее одаривает горячим поцелуем перед всем народом. Не выдержала Снегурочка обиды, побежала в слезах. Горькая обида сжала ее сердечко: обидел пригожий Лель красавицу Снегурочку. Разве виновата она, что отец Мороз холодом сковал ей душу, что не знает она тепла человеческих чувств? Решила Снегурочка пойти

в Ярилину долину, к матери Весне, просить сердечного тепла, любви девичьей.

Долго плутал по лесу Мизгирь, разыскивая Снегурочку. Наконец, он увидел вдалеке голубую косынку и русую косу. Выбежал на полянку и припал к ее ногам. Но горячие его слова и клятвы пугают Снегурочку. Бросилась она от Мизгирия прочь, в лесную чащу. Побежал было за нею Мизгирь, но тут его подстерег Леший: крепко запомнил он наказ Мороза — беречь Снегурочку, и завел Мизгирия в глухие трущобы, в бурелом, в непроходимые чащи.

Всю ночь промаялся там Мизгирь, бросаясь от дерева к дереву, обманутый лесными голосами; повсюду ему мерещился милый облик Снегурочки. А Снегурочка тем временем вернулась к Лелю — просит она его выбрать ее на завтра подружкой, а сегодня пусть он сведет ее посмотреть расписные шатры царя Берендея. Но не нужна Лелю детская любовь Снегурочки, ее речи не трогают, не зажигают сердце пастуха. Отныне и навсегда подругой Леля будет Купава. С нею убегает Лель прочь от Снегурочки, оставив ее в слезах и горе:

«Обманута, обижена, убита
Снегурочка. О мать — Весна-красна, отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь, иль жизнь мою возьми!»
(Трио и финал 3-го действия).

4-е действие

Этому действию предшествует небольшая симфоническая картина, изображающая погоню Мизгирия за призраком Снегурочки в лесу. Здесь звучат, сплетаясь, мелодии Снегурочки и Мизгирия; музыка полна тревоги и трепета. Но вот все утихает, и на фоне тремолирующих скрипок звучит жалоба Снегурочки:

«Родимая!

В слезах тоски и горя

Зовет тебя покинутая дочь».

Ранним утром пришла Снегурочка в Ярилину долину к матери Весне.

Из тихих вод, со дна лесного озера поднялась Весна на землю, услышав голос дочери. Со слезами рассказывает Снегурочка матери о своем горе, о том, как грустно ей жить без тепла и радости человеческих чувств.

Сердечного тепла, любви просит Снегурочка у матери, и Весна не может отказать любимой дочери. Из весенних цветов сплела она ей душистый веноч. Цветы плотным кольцом окружили Снегурочку. Звучит ясная, прозрачная мелодия хора: «Зорь весенних цвет душистый».

Надела веноч Снегурочка, и увидела она то, чего не замечала прежде — весеннюю синеву неба, яркую зелень листвы, прозрачную глубину вод:

«Какой красой зеленый лес оделся!».

Теперь Снегурочка полюбит, и случится это очень скоро: она полюбит того, кого встретит первым, возвращаясь от матери Весны из Ярилиной долины. Одного лишь должна бояться Снегурочка: губительных лучей Ярилы-солнца. Теперь, когда тепло проникло ей в сердце, Ярило может погубить ее.

Простилась Снегурочка с матерью и отправилась в путь. Но только подошла она к заповедному лесу, как встретила Мизгирия: всю ночь бродил он здесь, разыскивая ее.

Горячая любовь вспыхнула в сердце Снегурочки. Бросилась она навстречу Мизгирию:

«Милый,

Позволь взглянуть в твое лицо,

В огонь твоих очей взглядеться».

(Дует Снегурочки и Мизгирия).

Но вот показались первые лучи восходящего солнца. Стала Снегурочка просить Мизгирия защитить, спрятать ее от Ярилы; встала она под тень ракитова куста, чтобы не догнали ее горячие лучи.

Едва только взошло солнце, как лес наполнился веселыми голосами: это берендеи начали праздник Ярилиного дня. Начались игры:

«А мы просо сеяли, сеяли,

Ой дид Ладо, сеяли, сеяли!».

И вновь следует сцена, воспроизводящая картину народной жизни, как бы озаренную ярким светом первого летнего дня.

Женихи берут своих невест за руки и подводят к Берендею. Подошел и Мизгирь со Снегурочкой: желание царя исполнено — Снегурочка полюбила. С ласковой речью обратился Берендей к девушке. Но первый луч солнца уже разыскал Снегурочку, заблестел в ее золотых волосах, запутался в пестром венке.

Нет спасения Снегурочке, некуда ей спрятаться от Ярилы. Чувствует она, что силы оставляют ее.

В оркестре звучит мелодия из Пролога, но звучание ее, переданное струнными инструментами, сделалось теплее, мелодия ариетты «Слыхала я» теперь повествует о тепле и радости человеческих чувств. Со словами любви погибла Снегурочка, растаяла при первых лучах восходящего солнца. Погиб и Мизгирь: в отчаянии он бросился в озеро с высокой Ярилиной горы.

Но мудрый царь Берендей знает, что печальная смерть Снегурочки и гибель Мизгирия сулят берендеям плодородное жаркое лето, богатые урожаи, изобилие и радость.

Лель запеваает хвалебную песню Яриле. Берендеи подхватывают — звуки гимна плывут по лесу, провозглашая хвалу светлой и могучей природе. Но лесная листва хранит память и о нежном весеннем цветке — девушке-ландыше, девушке-Снегурочке, задумчивой дочери красавицы Весны.

THE SNOW MAIDEN

(*Snegurochka*)

A spring fairy-tale

A four-act opera with a prologue
by N. Rimsky-Korsakov

The opera "Snow Maiden" based on Ostrovsky's play by the same name was written by N. Rimsky-Korsakov between February 1880 and 1882.

The composer was deeply fascinated by this unusual subject. "I felt I ever more admired this marvellous fairy-tale," Rimsky-Korsakov wrote. "Never before had I worked on images as fascinating and poetical as those of the Snow Maiden, Lel and Spring. . . . Just after I'd read the tale, there came to mind some motifs, themes and accords, and first in haze and then distinctly the atmosphere and the colours of various scenes appeared in my mind's eye."

All the spring of 1880, the composer enthusiastically worked on the opera in the village of Stelevo. "I was delighted by everything there," he recollected later. "The beautiful scenery, charming groves, huge 'Volchinets' woods, fields of rye, buckwheat, oats and flax, a multitude of scattered villages brought my delight to the point of ecstasy, . . . and all was in a happy harmony with my own pantheistic mood and deep attachment to the subject. In my perturbed imagination a thick and crooked bough or a mossy stump appeared as the wood-goblin, the 'Volchinets' woods was full of mysteries, the bare Kopytets hill was the cliff of the Sun-God Yarilo, and the triple echo was the voice of the wood-goblin and other fairy monsters."

The images of the Snow Maiden, Spring and the quick-tempered, tempestuous Kupava have been treated by the composer with particular warmth.

The Contents of the Opera

Prologue

The stillness and cold reign supreme in a wild, virgin forest in the remote land of the Berendeys.

There, in an out-of-the-way solitary place, Grandfather Frost has reared his daughter, the Snow Maiden. During the long northern winter, the forest is quiet and deserted. Everything is rigid with cold here: the trees are clad in snow and motionless, the long branches of firs are hanging down glumly, and the sullen, powerful oak-trees have an angry, frowning look.

Yet, with the coming of spring, the forest fills with the ringing voices of birds coming back to their native land. The shrieks of cranes, the chatter of babbling magpies and the warble of larks are heard from afar. Soon, the cocks will utter their merry cock-a-doodle-doo to salute the dawn, and Spring will come into its own.

This picture of spring rejuvenation unfolds in the prelude, which is a short symphonic piece full of light, joy and

emotion. The music imitates the merry twitter of birds and the crowing of cocks, it is permeated, as it were, with the bright spring sunlight. The prelude transforms directly into the first scene of the Prologue: the recitative and aria of Spring.

The lovely Spring has come back to the land of the Berendeys from the far-away southern countries. But she is given a cold welcome, and feels uneasy among them. Her feathered friends are chilly, and their clear voices are heard no longer. To warm them up, Spring starts a merry dance with singing in a forest glade. The birds join in the merry tunes, and Spring in glee sings together with her little friends. (*The birds song and dances*).

On hearing the merry noise, the old Grandfather Frost hastens to meet the lovely Spring and reproach her for all her past sins, her levity and friendship with the Sun-God Yarilo, his sworn enemy. Since long ago, Yarilo has had a dislike for Grandfather Frost. He is continually harassing him and "melting and thawing" his most intricate structures built with laborious patience. And recently, Grandfather Frost has learned that the Sun-God Yarilo is planning to destroy his daughter, the Snow Maiden.

"... He only waits to plant a sparkle
And burn her heart in flames of love.
Beware of him, my darling child!"

That is why Grandfather Frost is so carefully hiding his daughter from the Sun-God Yarilo; that is why he has bound the land of the Berendeys with the shackles of ice. But the Snow Maiden, the affectionate child of the lovely Spring, has long since been used to this cold.

In her 15 years, she has run along many a path in the forest, has had a lot of dreams in her secluded maiden room, played many a game and sung many a song with her friends, the birds and beasts of the forest. But once in spring she feels she is pining for human friends. She is longing to hear the songs of the merry shepherd Lel, and begins to implore her mother Spring and her father Frost to let her go to the nearby Berendey hamlet and live awhile among men. Hiding behind a bush, a tree-stump or a pine-tree, she is listening to songs of the swarthy Lel, and watching the merry games of young Berendeys. She is so anxious

"... To dance a reel
And sing in glee
Beside the merry Lel."

The Snow Maiden eagerly implores her parents to let her go to people. Her innocent talk is trustful and gentle, and charmingly simple and natural are the melodies of her two arias, where she comes onto the stage for the first time and where the musical themes depicting the frail image of the daughter of Frost take their origin.

Particularly impressive is the arietta "Yes, I know from hearsay . . ." a transparent, pliant melody accompanied by the coldish sounds of wooden instruments; this melody recurs transformed in the finale of the opera, the scene of thawing of the Snow Maiden.

The Prologue is rounded off with the scene of the Snow Maiden's parting with her parents and the big scene of "Shrovetide Send-Off." Grandfather Frost and Spring let the Snow Maiden go and live for summer in the Berendey hamlet across the river. Grandfather Frost is going to the cold lands of Siberia, and before departure he and Spring lovingly embrace their daughter. The Snow Maiden is thoughtful: she is happy to change the forest quietness to the merry life in the hamlet, and yet afraid of leaving her father's home. But she makes up her mind and leaves.

Suddenly, the forest fills with merry voices: it is the Berendeys giving a send-off to Shrovetide with songs, dances and reels. In the heat of merry-making no one would have noticed the little Snow Maiden hidden behind a tree if it were not for the old Bobyl. Wriggling and turning head over heels he gets into the thick bushes and sees a pretty girl in a white fir-coat, a white shaggy fir-hat and white mittens standing under a tall pine-tree and smiling cunningly. The Berendeys are amazed at this marvel, for none of them can understand whence and how this young lady has come to the forest. No one knows her name. They are further surprised by her saying that she will be a daughter to the one who has been the first to notice her. Bobyl and his wife are happy to hear this and lead the girl to their home across the river. Once again the Snow Maiden bids good bye to her father Frost and her mother Spring, parting with her quiet, comfortable life in the forest, and bows deeply to her loyal friends, the forest and the birds, before she follows the Berendeys.

The forest bows deeply in response, for it knows they are parting for long.

ACT ONE

The long slanting rays of the setting sun are lighting up the Berendey hamlet across the river, where the Snow Maiden has found shelter in Bobyl's squalid wooden hut. Her gentle beauty, modesty and friendliness have won the hearts of many young Berendeys.

But the Snow Maiden's heart is cold and irresponsive, for she has never learned to love. And the lads go back to their steadies.

Lel's peaked hat is seen now and then behind the trees as he is coming nearer the poor hut of Bobyl, for today it is the latter's turn to give a night's shelter to the homeless shepherd. And for this kind hospitality the shepherd will reward the hosts with his merry songs.

The Snow Maiden is happy to meet the gay fellow, because she loves to hear his songs. With deep excitement she listens to his singing, sorrowful at first and then merry. She wonders how to reward the shepherd for his songs. She treasures them above anything else and cannot understand why he is content only with a flower or a kiss as his reward. But on hearing the voices of the girls nearby, Lel runs to them forgetting the Snow Maiden and dropping the flower which he himself has asked her for. The Snow Maiden is upset by his indifference to her and by her failure to win his

affection, because her father Frost has given her a heart of ice.

"My soul aches,
The crumpled flower
Is like a heavy stone
On Maiden's heart ..."

The Snow Maiden remains alone. Her sorrow, loneliness and yearning for strong and passionate human feelings are expressed in the well-known arietta rounded off with these hopeful words:

"But I will beg my mother Spring
To lend my heart a little fire
Just keep it flickering—
All my desire ..."

Then comes Kupava. Kupava's appearance is accompanied by new musical themes and a fiery, tempestuous melody. Kupava is gleeful because her bridegroom Mizgir, a rich merchant, has come down to see her.

There follows a gay wedding ceremony, a scene of folk life as vivid as that of "Shrovetide Send-Off" in the Prologue. The music of this scene is also based on folk melodies.

When wedding songs have died away Kupava calls her bridegroom to the forest to dance reels. But Mizgir suddenly catches sight of the Snow Maiden and completely forgets about his bride. The Snow Maiden, however, is frightened by his passionate confessions and his flashing eyes; she does not understand and fears him.

Weeping and lamenting loudly, Kupava comes down upon Mizgir. The Berendeys surround them in a narrow circle, their faces express stern condemnation, because Mizgir has defied all laws and customs by his disloyalty to his bride. But only the old and wise King Berendey can defend Kupava and punish the offender.

It is there, to the King's Palace, that the weeping Kupava goes to seek protection and justice.

ACT TWO

It is bright and spacious in the Palace of King Berendey. The fretwork turrets rise high above it, and the green lace of young birches and maples is seen behind the patterned columns and through the narrow windows. Psaltery-players are singing praises to the wise King Berendey.

Strolling across his spacious halls King Berendey paints the pillars and walls with an intricate pattern. He is lost in troubling thoughts about the future of his people and kingdom. For 15 years, the Sun-God Yarilo has been frowning on the Berendeys and giving them less warmth with every year, and their hearts are growing cold. What troubles the wise Berendey is how to recover the lost warmth.

Presently, Kupava appears before the King, weeping and dejected. Her simple and open-hearted talk stirs King Berendey, and his heart goes out to her. He gives her gentle encouragement, and their voices join to form a duet where the recitative phrases of excited Kupava give place to a broad and expressive melody.

The King is deeply moved by Kupava's complaint, and decides to give a condign punishment to disloyal Mizgir. He calls on his people to come to the Palace and hear his just judgement.

In front of the crowds filling the spacious hall Mizgir stands in silence and listens to the angry speech of the King and his decision to exile Mizgir from the kingdom forever. Only one thing does he venture to say in reply: let the King have just one look at the Snow Maiden's rare beauty, and he will change his mind. At this very moment, the Snow Maiden timidly enters the hall.

With childlike delight does she look at the wall ornaments and the beautiful embroidery on the regal garments. And the King is unable to turn his eyes away from the Snow Maiden who stands before him like a fresh frail spring flower. She reminds the King of a lily of the valley whose subtle aroma carries the soft breath of Spring.

"There's no end of miracles
Of the mighty Nature..."

sings King Berendey in his cavatina.

Speaking to the Snow Maiden and listening to her innocent and trustful talk, the King feels growing admiration for this charming girl. He is wondering who of the Berendeys will be so happy as to win her heart, kind and innocent like that of a child. And he gives a solemn promise that he who will kindle the flame of love in her childish soul, will be engaged to her by the King himself and blessed with his favours and precious gifts.

"Oh, mighty King," Mizgir is pleading. "Please let me stay a little longer." Before the King and all the Berendeys, Mizgir gives an oath to win the love of the Snow Maiden.

Tomorrow, at dawn, the happy bridegrooms will present their brides with flower garlands and lead them to meet the Sun-God Yarilo and welcome the hot summer betokening love and happiness. And Mizgir gives the King a solemn oath: tomorrow at the Yarilo festival to get engaged to the Snow Maiden and strike in her cold heart a sparkle of great human feelings.

ACT THREE

Lads and girls gather at sunset in the virgin forest. The Snow Maiden is gay and happy and eagerly expecting Lel to choose her as his mate. For the holiday she has put on her best dress, embroidered bootees and twined a wreath of bright field flowers. The girls strike up a merry song:

"Out here in the field
a lonely lime-tree stood..."

The old Bobyl is amusing everyone with his dances and wriggling ("*Song of a Beaver*"), and buffoons are doing their best not to lag behind (*Buffoons' dance*).

But now the curly-headed Lel begins a song about a girl who quietly hid behind a bush, and carries on laughingly: "Hush! The girls are all in fright:

Wolves have snatched her for a bite..."

Everyone likes the shepherd's merry song, and even the King is amused. He praises the young man for his singing

and tells him to choose a girl and kiss her. Lel is at a loss at first. But sorry as he is for the Snow Maiden, he chooses Kupava — for who else can be so devoted? — and gives her a fiery kiss for all people to see. Unable to stand it, the Snow Maiden bursts into tears and runs away in anguish: why has handsome Lel hurt her so badly? Is it her fault that her father Frost has given her a heart of ice and no warmth of human feelings? She makes up her mind to go to her mother Spring in the Yarilo valley and ask her for a warm human heart.

Meanwhile, Mizgir is wandering in the woods in search of the Snow Maiden. At last, he catches sight of her blue kerchief and fair braid, runs to the glade where she stands and kneels before his love. But his passionate oaths frighten the Snow Maiden, and she flies from him into the forest depth. Mizgir runs after her, but the wood-goblin is right there to baffle him. He well remembers the Frost's order to take care of the Snow Maiden, and lures Mizgir into the wildest thickets, brushwood and swamps.

All the night through Mizgir is wandering in the woods rushing from one tree to another lured by queer voices, and everywhere he seems to see the dear image of the Snow Maiden. Meanwhile, the Snow Maiden comes back to Lel and asks him to choose her as his mate for tomorrow, and today to lead her to the King's Palace to see its fanciful ornaments. But Lel does not need the Snow Maiden's childish affection; her pleadings stir no response in his heart. From now and forever, his only mate will be Kupava, and they together run away to leave the Snow Maiden in tears and distress.

"In anguish is the Snow Maiden.
Oh, Mother Spring,
A human heart I need,
To love please teach me
Or take my useless life!"

(*Trio and finale of the third act*).

ACT FOUR

This act is preceded by a brief symphonic picture showing Mizgir's chase of the Snow Maiden's phantom. Here the melodies of the Snow Maiden and Mizgir interlace, and the music is full of misgiving and anxiety. But then all sounds die down to be followed by the Snow Maiden's complaint sang to the tremulous sounds of violins.

"Oh, dear Mamma,
In tears and in woe,
Your lonely daughter
Calls on you to come."

At dawn the Snow Maiden comes to her mother Spring in the Yarilo valley.

On hearing her daughter's call, Spring rises from the bottom of a forest lake. With tears in her eyes the Snow Maiden tells her of her misery, of how bored she is to live without the warmth and joy of human feelings.

The Snow Maiden implores her mother to give her a warm and loving heart, and Spring is unable to deny the request

of her darling daughter. She twines for her a beautiful wreath of fragrant spring flowers. The flowers surround the Snow Maiden on all sides, and a clear and transparent choral melody rings out in the air: "The fragrant flower of spring at dawn..."

The Snow Maiden puts on the wreath, looks around and sees what she has never seen before: the blue spring skies, the bright greenery of foliage, and the transparent depths of the lake.

"Oh, what a marvel is the forest
In its delightful green attire!"

Now the Snow Maiden can fall in love, and this is very soon to happen. She will fall for the one she will see first when coming back from the Yarilo valley. But one thing she must be afraid of: the ruinous rays of the Sun-God Yarilo. Now that her heart is warm Yarilo can destroy her.

The Snow Maiden takes leave of her mother and starts on her way. But just as she comes up to the virgin forest she catches sight of Mizgir who has been wandering around all the night.

A passionate love flames out in the Snow Maiden's heart, and she quickly runs to Mizgir, singing:

"Oh, darling,
Turn your face to mine
And let me look into your eye."

(Duet of the Snow Maiden and Mizgir).

Suddenly, the first rays of the rising sun appear, and the Snow Maiden implores Mizgir to protect her, to hide her from Yarilo, and rushes to a broom bush to avoid the hot rays of the sun.

As soon as the sun is up, the forest fills with merry voices: it is the Berendeys opening the Yarilo festival with merry games and singing:

"Of a morning to the fields
Off we went to sow seeds!"

This is followed by a scene of folk life illuminated, as it were, with the bright light of the first summer day.

The bridegrooms take their brides by the hand and lead them up to the King. Among them are the Snow Maiden and Mizgir. The royal wish has been fulfilled: the Snow Maiden is in love. King Berendey asks the girl to come over and talks with her affectionately. But the first ray of the Sun has already found the Snow Maiden, glittered in her fair hair and get entangled in the motley wreath.

There is no rescue for the Snow Maiden, nowhere to hide from the cruel Sun-God. She feels that her strength is oozing out.

The orchestra plays the melody from the Prologue, but rendered by string instruments it now sounds warmer, and the melody of the arietta "Yes, I know from hearsay..." now glorifies the warmth and joy of human feelings. And with words of love on her lips the Snow Maiden dies, melting away under the first rays of the rising sun. In despair Mizgir throws himself into a lake from the tall cleff of the Sun-God Yarilo.

But the wise King Berendey knows that the sad death of the Snow Maiden and Mizgir is an omen of a hot summer, bumper crops, abundance and joy.

Lel starts a song of praise to Yarilo, the Berendeys catch it up, and the solemn melody of the hymn flows through the forest glorifying the mighty Nature. But the forest treasures the memory of the girl who was like a delicate spring lily of the valley, the Snow Maiden, the dream-addled daughter of the lovely Spring.

Spring-Beauty - Veronika Boisenko, ms
Grandfather Frost - Alexei Kivcheniya, bs
Wood Goblin - Andrei Sokolov, bt
Smagmochka - Vera Fusova, s
Butter-Weck - Mikhail Skazny, bs
Bobyk - A. Khosson, t
Bobylikha - Vera Petrova, ms
Lyel - Larissa Avdeyeva, e
Kupava - Galina Vishnevskaya
Mizgir - Yuri Galkin, bt
Tear Berendey - Ivan Kozlovski, t
Bermjata - Vladimir Gaurushov
had - L. Svedlova, ms
4 Heralds - F. Parkhomenko, t
Tikhon Chernyakov, t.
D. Bedrosyan, bt
Sergei Koltypin, bs

LA FILLE DE NEIGE

(Snégourotchka)

Conte printanier

Opéra en 4 actes et un prologue

de N. Rimsky-Korsakov

Commencé en février 1880 et terminé en 1882, l'opéra « *Snégourotchka* » de Rimsky-Korsakov suit le canevas de la pièce d'Ostrovski.

L'œuvre du dramaturge russe avait fait la conquête du compositeur : « Je me sentais de plus en plus entiché du conte d'Ostrovski, écrivit par la suite Rimsky-Korsakov. Il me semblait qu'il n'y avait pas au monde de meilleur sujet, de personnages plus poétiques que Snégourotchka, Lel ou la Fée-Printemps... J'avais à peine terminé ma lecture que des motifs, des thèmes, des accords commencèrent à me venir à l'esprit, que des ambiances, des tonalités correspondant aux différents épisodes se mirent à me hanter, d'abord imperceptiblement, puis avec une netteté croissante. »

Le compositeur passa tout le printemps 1880 au village de Stelevo, travaillant d'arrache-pied à son opéra. « Là, tout me plaisait, tout m'enthousiasmait », se remémorait-il plus tard. « L'heureuse disposition, les délicieux bosquets, l'énorme forêt de Voltchinetz, les champs de seigle, de sarrasin, d'avoine, de lin, les hameaux essaimés aux alentours, tout m'enchantaient... Tout l'harmonisait particulièrement à mon humeur (panthéiste) d'alors et avec mon béguin pour le sujet de (*Snégourotchka*). Une grosse branche tordue, une souche couverte de mousse me semblaient un sylvain ou sa demeure ; la forêt de Voltchinetz, une forêt vierge ; la petite colline dénudée de Kopytetzkaia, le mont de Yarilo ; un triple écho, comme des voix des sylvains ou d'autres créatures fantastiques ». Le compositeur s'est attaché avec une tendresse particulière aux personnages de Snégourotchka, de la Fée-Printemps, de l'ardente et spontanée Koupava.

CONTENU DE L'OPERA

Prologue

Le silence et le froid règnent dans l'épaisse forêt vierge du lointain pays de Bérendés.

C'est là que, loin des routes, le vieux Gel élève sa fille Snégourotchka (la Fille de neige). Pendant les longs hivers nordiques, rien ne vient troubler la paix des bois. Le Gel étroit tout ce qui vit ; les arbres habillés de blanc sont comme figés, les longues branches de sapins se courbent, sévères, et les chênes puissants semblent, maussades et menaçants, se renfrogner.

Mais dès le printemps venu, la forêt s'emplit du gazouillement des oiseaux revenus au pays. On entend au loin l'appel des grues, le jacassement des pies bavardes, les trilles des alouettes. Bientôt le chant du coq retentira et la belle Fée-Printemps reprendra possession de ses domaines.

Le court morceau symphonique de l'introduction évoque le renouveau vernal. C'est le gazouillement des oiseaux qui

semblent se répandre, le chant du coq dans un flot de musique ensoleillée. On passe sans transition à la première scène du prologue : *le récitatif et l'air de la Fée-Printemps*.

La belle Fée est revenue des lointains pays méridionaux au pays des Bérendés. L'accueil est froid, peu hospitalier. Ses amis à plumes son tout transis, leurs voix sonores sont muettes. Afin de les réchauffer, la Fée-Printemps lance dans la clairière une danse joyeuse accompagnée de chant. Et le gai gazouillement des oiseaux se fait de nouveau entendre dans la forêt ; la Fée-Printemps fait allégrement écho à ses petits compagnons. (*Chants et danses des oiseaux.*)

Entendant les voix, le vieux père Gel se hâte à la rencontre de la Fée-Printemps en récriminant amèrement contre elle : il lui rappelle tous ses péchés passés, lui reproche sa frivolité et son amitié avec Yarilo, le soleil, son ennemi juré. Yarilo a eu vieille rancune contre le père Gel. Sans relâche, il le poursuit de sa haine. Il fait « fondre et dissoudre » jusqu'à ses plus ingénueuses constructions, fruit de tant de labeur et de patience. Et le père Gel vient d'apprendre que Yarilo veut perdre Snégourotchka.

«... Il s'apprête de ses rayons

A attiser la flamme de l'amour dans son cœur
Et alors, plus de salut pour Snégourotchka... »

C'est pourquoi le vieux Gel dérobe soigneusement sa fille aux regards de Yarilo et qu'il a abattu ses frimas sur le pays de Bérendés. Mais Snégourotchka, la tendre fille de la belle Fée-Printemps s'est accoutumée aux rigueurs de l'hiver.

Pour ses quinze ans, combien de sentes gelées n'a-t-elle pas parcourues dans les sous-bois, que de pensées n'a-t-elle pas remuées dans sa paisible chambrette de jeune fille ; et tous ces jeux, ces chansons qu'elle a partagés avec ses amis, les oiseaux et les bêtes de la forêt ! Mais le printemps venu, elle se sentit poussée vers les hommes. Prise d'envie d'aller entendre les chansons du joyeux pâtre Lel, elle se mit à prier sa mère, la Fée-Printemps, et son père le vieux Gel de la laisser partir chez les Bérendés, vivre un peu avec les hommes. Se dissimulant derrière quelque fourré, quelque souche, quelque arbuste, elle avait plus d'une fois écouté les chansons du brun Lel ou suivi les jeux endiablés des jeunes Bérendés.

Comme elle envie de

« Faire des rondes,
Reprendre avec les jeunes filles
De Lel, le refrain des chansons printanières »

Snégourotchka implore ses parents de la laisser partir. Ses paroles naïves respirent la confiance et la douceur ; c'est avec la simplicité et naturel que résonnent les mélodies de ses deux premiers airs où se font entendre les thèmes musicaux évoquant la frêle silhouette de la fille du vieux Gel.

La musique de l'ariette « J'ai oui-dire, j'ai oui-dire » revêt une importance particulière ; cette mélodie souple et limpide accompagnée par les tonalités froides des bois revient transfigurée, au final, dans la scène de la danse de Snégourotchka. Le Prologue se termine par la scène des adieux de Snégourotchka à ses parents et la grande scène du « Mar-

di-Gras». Le père Gel et la Fée-Printemps la laisse partir pour l'été chez les hommes : elle vivra de l'autre côté de la rivière, chez les Bérendés. Le père Gel part pour la Sibérie et ses toundras glacées. Lui et la Fée-Printemps font de tendres adieux à leur fille. Snégourotchka est pensive : elle est à la fois joyeuse de quitter la paix des bois pour la ville et ses plaisirs, et effrayée de se séparer du palais de son père. Elle s'éloigne...

Le sous-bois s'emplit de voix joyeuses : les Bérendés fêtent le Mardi-Gras. Et personne n'aurait remarqué la petite Snégourotchka derrière le tronc d'arbre n'était le vieux Bobyl. Culbutant et se contorsionnant, il pénètre dans un épais fourré : une jeune fille dans son manteau et son bonnet de fourrure blanche, en mitaines, est assise au pied d'un grand pin et sourit malicieusement. Et les Bérendés de s'ébaudir : personne ne s'explique la présence de cette jeune demoiselle, là, en pleine forêt. Personne ne sait son nom. Mais leur étonnement n'a plus bornes lorsqu'ils entendent ses paroles : elle sera la fille de celui qui l'a le premier aperçue. Bobyl et sa digne épouse, tout réjouis, l'emmenent à la ville. Une fois encore, Snégourotchka prend congé de son père le Gel, de sa mère, la Fée-Printemps, de sa vie paisible et insoucieuse d'antan ; elle salut profondément ses fidèles amis, la forêt, les oiseaux, et s'éloigne avec les Bérendés.

La forêt lui rend son profond salut : la séparation sera longue.

Acte premier

Les rayons du soleil couchant éclairent la bourgade des Bérendés. C'est là, dans la pauvre mesure de Bobyl que Snégourotchka a trouvé asile. Sa beauté délicate, sa modestie et son abord accueillant ont tourné la tête des jeunes Bérendés. Mais le cœur de Snégourotchka reste insensible, elle ne connaît pas l'amour. Et les gars, tout marris reviennent à leurs fiancées.

Et voici apparaît sous les feuillages le bonnet pointu de Lel : il se dirige vers la maisonnette de Bobyl dont c'est aujourd'hui le tour de donner asile pour la nuit au pâtre sans foyer, qui payera son écot par une chanson.

Snégourotchka fait bel accueil au joyeux Lel : elle est depuis longtemps éprise de ses chansons. Elle écoute avec émotion son chant d'abord triste, puis gai et primesautier. Comment récompenser le pâtre ? Snégourotchka qui met les chansons de Lel au-dessus de tout au monde, s'étonne de le voir se contenter d'une fleur des champs ou d'un baiser. Entendant les voix toutes proches de jeunes filles, Lel se précipite, oubliant Snégourotchka ; il a laissé tomber dans la poussière la fleurette qu'il lui avait lui-même demandée. Snégourotchka se désole : Lel ne l'aime pas, elle ne sait pas le cajoler, le caresser. Le vieux Gel l'a privé de ce don sans prix : la chaleur du cœur.

« Comme j'ai mal là, comme mon cœur souffre !

Offense cuisante, telle une pierre,

La fleurette froissée par Lel me pèse sur le cœur...

Snégourotchka reste seule. Sa peine, son esseulement, sa nostalgie d'une forte passion humaine sont exprimés dans la célèbre ariette qui se termine sur une lueur d'espoir :

« Mais je prendrais chez ma mère Printemps

Un petit brin de chaleur

Pour réchauffer, un tantinet, mon pauvre cœur ».

L'apparition de Koupava est marquée de nouveaux thèmes musicaux, une mélodie vive et ardente. Koupava est heureuse : son fiancé, le riche marchand Mizghir, est arrivé aujourd'hui.

La joyeuse cérémonie nuptiale qui commence offre un tableau de la vie populaire aussi éclatant que le « Mardi-Gras » du Prologue. Le compositeur utilise des mélodies populaires.

Après les chants nuptiaux, Koupava, qui entraîne son fiancé dans la forêt, se lance dans une ronde. Mais Mizghir aperçoit soudain Snégourotchka et oublie aussitôt sa fiancée. La fille de neige est effrayée par ses paroles ardentes, et ses yeux étincelants ; elle ne comprend pas Mizghir, elle le craint.

Koupava s'avance vers Mizghir avec des sanglots et des lamentations. Les Bérendés font cercle ; sur leurs visages se lit une sévère réprobation : par sa trahison, Mizghir a foulé aux pieds les lois et les usages. Seul le vieux et sage roi Bérendé peut prendre la défense de Koupava et châtier l'offenseur.

Et c'est vers le palais du roi, en quête d'une caresse de réconfort et d'un sage conseil que se dirige Koupava, toute éplorée.

Deuxième acte

Les appartements du roi Bérendé sont vastes et clairs. Les tours sculptés pointent vers le ciel ; derrière les colonnes ouvrees et par les fentes des fenêtres on aperçoit la dentelle verte des jeunes bouleaux et des jeunes érables. Les joueurs de gousli célèbrent la gloire du sage roi Bérendé.

Le monarque va et vient dans son palais couvrant colonnes et murs de décorations. Il pense avec inquiétude à son royaume, à ses sujets : voilà quinze ans que Yarilo, le soleil, est courroucé contre les Bérendés, il leur donne toujours moins de sa chaleur et leurs cœurs se refroidissent. Comment rendre la chaleur aux hommes ? Voilà se qui préoccupe le souverain.

Paraît Koupava. Les paroles simples et sans détours de la naïve jeune fille émeuvent Bérendé. Il la réconforte avec douceur. Leurs voix d'entremêlent et c'est un duo où les phrases émues du récitatif de Koupava alternent avec une mélodie ample et suggestive.

Le roi est profondément touché par ses doléances. Il décide de faire sévèrement juger Mizghir et convoque le peuple dans son palais pour y rendre justice pleine et entière.

La foule emplit les vastes appartements. Mizghir écoute en silence les paroles courroucées de Bérendé et son dur verdict : il est condamné à l'exil, à quitter pour toujours le royaume. Mizghir n'a qu'une réponse : que Bérendé jette seulement un regard sur Snégourotchka, sa rare beauté. Il le comprendra alors. A cet instant, Snégourotchka fait une entrée timide.

Elle admire les décorations des murs, les belles broderies sur le caftan du roi. Et Bérendé, de son côté, admire sa beauté. Snégourotchka est devant lui comme une délicate fleurette printanière, pure et fraîche. En la regardant, le roi

évoque la fleur printanière, le muguet, dont l'arome est comme le souffle de la saison nouvelle» « Elle est pleine, pleine de miracles, la puissante nature : (*cavatine de Bérendéi*).

Bérendéi interroge Snégourotchka, écoute ses paroles simples et confiantes. Sa sympathie augmente encore. A qui donnera-t-elle son cœur innocent de jeune fille, pur et délicat, qui Snégourotchka aimera-t-elle ? Celui qui saura éveillé un sentiment d'amour dans son âme enfantine la recevra comme épouse des mains du roi, avec de riches cadeaux et des faveurs.

« Grand roi, s'écrit Mizghir, surseois à mon exil ». Devant le souverain et tous les Bérendéis, Mizghir fait le serment qu'il saura gagner l'amour de Snégourotchka.

Le lendemain, dès l'aube, les heureux fiancés donneront des couronnes de fleurs à leurs compagnes et les mèneront à la rencontre de Yarilo, le soleil, à la rencontre de l'été, de l'amour et du bonheur. Mizghir s'est solennellement engagé devant le roi à se fiancer le lendemain, à la fête de Yarilo, avec Snégourotchka, de verser dans son âme la chaleur des passions humaines.

Troisième acte

Le soir, aux crépuscules, les gars et les jeunes filles se sont rassemblés au cœur de la forêt. Snégourotchka se divertit parmi eux. Comme elle envie que Lel la choisisse pour sa compagne. Pour l'occasion, elle a mis des botillons brodés et s'est tressée une couronne de fleurs des champs aux vifs couleurs. La gaieté est générale. Les jeunes filles entonnent un chant joyeux : « Ah, petit tilleul dans la plaine ».

A l'amusement général, le vieux Bobyl danse et se contorsionne (« La chanson du Castor »). Les bateleurs l'imitent. (*Danse des bateleurs*).

Mais voici que Lel entonne une chanson : une jeune fille s'est cachée derrière un buisson. . .

« Et toutes les jeunes filles de pleurer :

Le loup ne l'a-t-il pas mangée ? ».

La joyeuse chanson de Lel a plu à tout le monde, et elle a égayé le roi Bérendéi qui fait l'éloge du père ; il l'invite à choisir sa compagne et à échanger avec elle un baiser. Lel hésite. Il répugne à blesser Snégourotchka mais où chercher un cœur plus fidèle que celui de Koupava ? Il choisit pour compagne la jeune fille bafouée et lui donne, devant tous, un ardent baiser. Snégourotchka ne peut supporter l'affront et s'enfuit, éplorée. Elle a le cœur serré à en mourir : l'aimable Lel a offensé la belle Snégourotchka. Est-ce sa faute si son père, le Gel, a glacé son âme, si elle ne connaît pas la chaleur des passions humaines ? Snégourotchka décide de partir pour la vallée de Yarilo, demander à sa mère, la Fée-Printemps, un peu de chaleur, de pur amour.

Longtemps Mizghir erra dans la forêt à la recherche de Snégourotchka. Enfin, il aperçoit au loin son châte bleu et sa natte blonde. Il court se jeter à ses pieds. Mais ses paroles ardentes et ses serments effarouchent Snégourotchka qui s'enfuit au fond des bois. Mizghir veut la poursuivre, la rejoindre, mais c'était sans compter avec le Sylvain qui se souvient de

l'ordre du père Gel de protéger Snégourotchka : il entraîne le jeune homme au plus épais de la forêt, dans des fourrés inextricables.

Mizghir s'épuisa la nuit durant à errer se jetant d'arbre en arbre, trompé par les voix de la forêt ; il lui semblait voir partout la charmante silhouette de Snégourotchka. Elle le prie de la choisir le lendemain pour compagne ; aujourd'hui, qu'il l'emmène regarder les fresques du roi Bérendéi. Mais Lel dédaigne l'amour puéril de Snégourotchka, ses paroles laissent insensible, ne touchent pas le cœur du père. Désormais et pour toujours, Koupava est sa compagne. C'est avec elle qu'il s'éloigne laissant Snégourotchka, à ses pleurs et à son chagrin.

« Trompée, offensée, abattue

Est Snégourotchka. O mère, belle Fée-Printemps

Rend à Snégourotchka son cœur de fille, mère!

Rends moi l'amour ou prends ma vie! »

(*Trio et final du troisième acte*)

Quatrième acte

Cet acte est précédé par un court tableau symphonique évoquant Mizghir errant à la poursuite du mirage de Snégourotchka dans la forêt. Les mélodies de Snégourotchka et de Mizghir interfèrent dans un frémissement mêlé de crainte sourde. Mais tout s'apaise et, sur le fond des trémolos des violons, s'élève la plainte de Snégourotchka:

« Chère mère !

Avec des larmes de douleur et de chagrin

T'appelle ta fille abandonnée »

Au petit matin, Snégourotchka arrive à la vallée de Yarilo.

Entendant la voix de sa fille, la Fée-Printemps surgit des eaux tranquilles du lac sylvestre. Versant des pleurs, Snégourotchka confie son chagrin à sa mère, lui dit combien la vie lui pèse sans la chaleur des passions humaines.

Snégourotchka demande à sa mère l'amour, la chaleur du cœur, et la Fée-Printemps ne peut la refuser à sa fille chérie. Elle tresse une couronne odorante avec des fleurs des champs. Snégourotchka est environnée des fleurs; la limpide mélodie du choeur s'élève: « Fleur odorante des aubes printanières ».

Snégourotchka met la couronne et ses yeux se dessillent; elle voit soudain ce qu'elle ne remarquait pas auparavant: l'azur du ciel, la verdure de feuillage, la profondeur translucente des eaux.

« De quelle beauté la forêt verte s'est revêtue ! »

Maintenant Snégourotchka aimera, elle aimera celui qu'elle rencontrera le premier sur le chemin du retour. Elle ne doit craindre que les rayons mortels de Yarilo. Maintenant que son cœur s'est réchauffé, Yarilo peut la perdre.

Snégourotchka prend congé de sa mère et s'éloigne.

Mais, à l'orée de la forêt, elle rencontre Mizghir: toute la nuit, il a erré à sa recherche.

Un amour ardent s'empare du cœur de Snégourotchka ; elle s'élançait au-devant de Mizghir :

« Chéri,

Laisse-moi regarder ton visage
Et me perdre dans le feu de tes yeux »
(*Duo de Snégourotchka et de Mizghir*)

Le voici les premiers rayons du soleil levant. Snégourotchka implore Mizghir de la protéger, de la dissimuler aux regards de Yarilo; elle cherche sous un épais buisson un abri où les rayons brûlants ne puissent pas l'atteindre

Le soleil s'est à peine levé que la forêt s'emplit des voix joyeuses : les Bérendéis s'appêtent à célébrer la fête de Yarilo. Les jeux commencent :

« Et nous avons semé, le mil, semé le mil,

Oh ! père Lado, semé, semé, le mil ! »

Et c'est un nouveau tableau de la vie populaire tout illuminée par la clarté d'un premier jour d'été.

Les jeunes gens prennent leur fiancées par la main et vont les présenter au roi Bérendéi. Mizghir et Snégourotchka s'avancent à leur tour. Le désir du roi s'est réalisé : Snégourotchka aime. Bérendéi lui adresse les paroles pleins de douceur. Mais le premier rayon du soleil tombe déjà sur la jeune fille, miroite sur sa natte blonde, joue sur sa couronne bigarrée.

Il n'y a plus de recours pour Snégourotchka, plus de refuge où elle puisse se dérober aux rayons de Yarilo. Elle sent que ses forces l'abandonnent.

La mélodie du Prologue résonne mais les cordes la rendent plus chaleureuse, la mélodie de l'ariette. « J'ai oui-dire » chante maintenant la joie des passions humaines. C'est avec des mots d'amour que se meurt Snégourotchka, immolée par les premiers rayons du soleil levant. Mizghir la suit dans la mort : au désespoir, il se précipite dans le lac du haut du mont de Yarilo.

Mais le sage roi Bérendéi sait que la mort tragique de Snégourotchka et la fin de Mizghir sont le gage d'un été chaud et fécond, de belles récoltes, de l'abondance et du bonheur.

Lel entonne un chant laudatif à la gloire de Yarilo. Les Bérendéis le reprennent et l'hymne résonne sous les arbres, fervent éloge à la nature puissante et bien faisante. Mais la forêt garde le souvenir de la délicate fleur printanière, de la pensive Snégourotchka, de la fille de la belle Fée-Printemps.

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03774(а)

33 $\frac{1}{3}$ об. в мин.
Вторая гр.-1
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Prologue
On the Krasnaya Gorka near
settlement of the Berendey's
V. BORISENKO (Spring-Beauty)
A. KRIVCHENYA (Grandfather Frost)
A. SOKOLOV (Wood-goblin)
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХИ 434-62
Д-03775(a)

33 $\frac{1}{3}$ об. в мин.
Вторая гр.-2
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Prologue (end)
V. BORISENKO, A. KRIVCHENYA
V. FIRSOVA (Snegurochka)
A. SOKOLOV
M. SKAZIN (Butter-week)
A. KHOSSON (Bobyi)
V. PETROVA (Bobylikha)
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

Д-03775 12-3-2

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03776(а)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-3
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Act I. In Berendeyevka
a settlement beyond the river
V. FIRSOVA
L. AVDEYEVA (Lel)
A. KHOSSON
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03777(a)

33 $\frac{1}{3}$ об. в мин.
Вторая гр.-4
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Act I (end)
V. FIRSOVA, L. AVDEYEVA
G. VISHNEVSKAYA (Супава)
Y. GALKIN (Mizgir)
A. KHOSSON, V. PETROVA
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03778(a)

33 $\frac{1}{3}$ об. в мин.
Вторая гр. 5
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"

Act II

In the Palace of Tsar Berendey

I. KOZLOVSKY (Berendey)

V. GAVRYUSHOV (Bermata)

G. VISHNEVSKAYA, L. SVERDLOVA (lad)

Heralds: F. PARKHOMENKO, T. CHERNYAKOV

D. BEDROSYAN, S. KOLTYPIN

Bolshoi Theatre Chorus and Orch.

Conductor E. Svetlanov

03778 / 5-1

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03779(a)

33 1/3 об. в мин.
Вторая гр.-б
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"

Act II (end)

I. KOZLOVSKY, V. GAVRYUSHOV
V. FIRSOVA, A. KHOSSON
V. PETROVA, L. AVDEYEVA
G. VISHNEVSKAYA, Y. GALKIN
F. PARKHOMENKO, T. CHERNYAKOV
D. BEDROSYAN, S. KOLTYPIN
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

203779/6-1 0

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03780(a)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр. 7
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Act III
In the forbidden forest
I. KOZLOVSKY
V. FIRSOVA, L. AVDEYEVA
A. KHOSSON
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03781(a)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр. 8
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Act III (end)
V. FIRSOVA, L. AVDEYEVA
G. VISHNEVSKAYA, Y. GALKIN
A. SOKOLOV
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03782(a)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-9
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Act IV
In the Yarillo Valley
V. BORISENKO, V. FIRSOVA
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

MADE IN THE U.S.S.R.

ВТУ-35
ХП 434-62
Д-03783(а)

33 1/3 об. в. мин.
Вторая гр. 10
1-00

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера «СНЕГУРОЧКА»
N. RIMSKY-KORSAKOV
OPERA "SNOWMAIDEN"
Act IV (end). V. BORISENKO
I. KOZLOVSKY, V. GAVRYUSHOV
V. FIRSOVA, A. KHOSSON
V. PETROVA, L. AVDEYEVA
G. VISHNEVSKAYA, Y. GALKIN
F. PARKHOMENKO, T. CHERNYAKOV
D. BEDROSYAN, S. KOLTYPIN
Bolshoi Theatre Chorus and Orch.
Conductor E. Svetlanov

D 03783 / 2-2 10